

Содержание

Ледяные объятия	3
Гость Эвелины	17
Обещание моей жены	34
Жена декоратора	60
Ухаживание сэра Филиппа	77
Джон Грейнджер	105
В поместье Крайтон-Эбби	139
Трижды мертв	189
Ее последний выход	225
Доктор Каррик	250
Тень в углу	303
Лицо в зеркале	336
Друзья его юности	356
Имя привидения	396
Остров утраченных	450
Не кто иная, как она сама	469
Добрейшая леди Дьюкен	518
К горним высям	564

ЛЕДЯНЫЕ ОБЪЯТИЯ

Он был художник, и то, что случилось с ним, иногда случается с людьми его профессии.

Он был немец, и то, что случилось с ним, иногда случается с людьми его национальности.

Он был молод, хорош собой, прилежен, восторжен, беспечен; он смотрел на мир с позиций метафизики, не веровал в Бога, не имел сердца.

И, будучи молодым, видным собой и красноречивым, он был любим.

Сирота с малых лет, он рос в семье дядюшки Вильгельма, брата покойного отца, а та, что любила его, та, которой он клялся в любви, доводилась ему кузиной и звалась Гертрудой.

Любил ли он ее на самом деле? Безусловно: когда впервые выпалил свою клятву, то была любовь страстная, — но сколь обтрепалась она, сколь умалилась со временем в эгоистичном сердце этого студента! На первой же золотой своей заре, когда он, девятнадцатилетний, приехал к дяде из Антверпена, где учился у великого живописца, когда они с Гертрудой бродили по романтичным окрестностям города и в розовых закатных лучах, и при полной луне, и ясными, исполненными радости утрами, — о, какой это был дивный сон!

Они таились от Вильгельма, который ждал и жаждал для единственной дочери богатого жениха, и эта отцовская амбиция, подобно холодной и мрачной тени, застила мечту влюбленных.

Поэтому они решились на тайную помолвку. И вот он стоит рядом с Гертрудой (а небосвод разделен пополам, ибо солнце собралось умирать, а луна, напротив, только-только выплыла) и надевает кольцо на Гертрудин белый, суженный к ноготочку пальчик — его форма так хорошо изучена им. А кольцо особенное: это массивная золотая змея, которая держит в зубах собственный хвост, — символ вечности. Кольцо носила его матушка, он узнал бы его из тысячи. Если бы ему было суждено ослепнуть завтра, он на ощупь безошибочно выбрал бы золотую змейку из россыпи тысячи колец.

Итак, он надевает это кольцо кузине на пальчик, и они клянутся в вечной верности друг другу: в беде и в опасности, в печали и в болезни, в богатстве и в бедности. Что до отца, постепенно он смирится, ведь они теперь помолвлены и одна только смерть может их разлучить.

Но наш студент — циник, хоть и обожатель всего мистического — уточняет:

— Разве смерть способна разлучить нас? Я вернусь к тебе из могилы, Гертруда. Моя душа придет, чтобы остаться подле моей любимой. А ты — ты, если умрешь первая, уж конечно, восстанешь из сырой земли? Если любишь меня, ты вернешься, и вновь твои восхитительные руки обовьют мою шею, вот как сейчас.

Однако она объясняет ему (причем в ее глубоких синих глазах горит благоговейный свет, какой никогда не зарождался в его глазах), что умершие в мире с Господом счастливы на небеси и не могут вернуться на грешную землю, и только пропадающая душа самоубийцы, пред которой ангелы закрывают двери в рай, преследует тех, кто остался жить.

Проходит год после помолвки; Гертруда одинока, ведь жених уехал в Италию, чтобы копировать на заказ шедевры Рафаэля, Тициана и Гвидо Рени во Флорентийской галерее. Он отправился за славой: да, наверное, так, — но от этого не легче, он далеко!

Разумеется, дядя Вильгельм скучает по племяннику, который ему как родной сын, но не видит в Гертрудиной тоске ничего особенного — просто дочке не хватает общества двоюродного брата.

Текут недели и месяцы. Влюбленный пишет к невесте — сначала часто, потом редко, наконец, вовсе перестает писать. Сколько оправданий она ему измыслила! Сколько раз ходила на отдаленный маленький почтамт, куда письма должны поступать с пометкой «до востребования»! Сколько раз надежда сменялась в ней разочарованием!

Сколько раз она отчаивалась лишь для того, чтобы снова надеяться!

Но является настоящий повод для отчаяния, и отвратить его нельзя: на сцену выходит богатый соискатель. Отец непреклонен: она должна выйти замуж, и не когда-нибудь после, а уже 15 июня.

Дата словно выжжена в ее мозгу. Огненные цифры так и пляшут перед глазами.

И будто сами фурии ежеминутно выкрикивают: «Пятнадцатое июня!» — своими визгливыми головами ей прямо в уши.

Но время пока есть — еще только середина мая; письмо еще может дойти до Флоренции, и он еще может примчаться в Брауншвейг, увезти ее, обвенчаться с ней наперекор отцу — наперекор всему свету.

Однако дни и недели проходят, а он не пишет и не приезжает. Отчаяние, овладевшее ее сердцем, не ослабляет тисков.

Настает 14 июня. В последний раз идет она на почту, в последний раз задает все тот же вопрос и слышит все тот же угрюмый ответ: «Для вас ничего, сударыня». В последний раз — ибо завтра она станет женой другого; отца уговорить так и не удалось, а богатый соискатель, конечно, не станет внимать ее мольбам. Ей не уступят ни денечка, ни даже часа; нынешний вечер один только и остался у нее — нынешний вечер, которым она может распорядиться по своему усмотрению.

И она выбирает другую дорогу — не ту, которая ведет домой. Она спешит переулками городских окраин к уединенному мостику, где он, бывало, глядел вместе с ней, как розовеет, бледнеет и гаснет над рекой закат.

Он возвращается из Флоренции. Он получил ее письмо — закапанное слезами, полное уговоров и отчаяния, — он получил его, но он ее больше не любит. Он околдован молодой флорентийкой, своей натурщицей; она завладела его прихотями, которые заменяют ему сердце, а Гертруда давным-давно забыта. Если сыскался для нее богатый же-

них — это прекрасно, пусть выходит замуж. Так будет лучше ей самой, а ему — тем более. Он не желает связывать себя. У него уже есть вечная невеста, нестареющая любовница — его искусство.

Вот почему он предусмотрительно откладывал поездку в Брауншвейг: хотел подгадать так, чтобы появиться уже после венчания — как раз вовремя, чтобы поздравить новобрачную.

А как же клятвы, как же таинство, как же его собственная уверенность, что даже после смерти возлюбленная обнимет его? Они давно изжиты; глупые мальчишеские мечты, они растаяли навек.

И вот 15 июня он вступает в Брауншвейг, идет по тому самому мостику, на котором она стояла накануне, освещенная звездами, переходит мостик и оказывается у воды; за ним по пятам следует лохматый пес, а его короткая пенковая трубка выпускает в чистое утреннее небо сизые колечки фантастических очертаний. Под мышкой у него альбом для набросков; то и дело какой-нибудь объект завладевает его вниманием — он ведь имеет особое, художественное зрение, — и тогда он останавливается и делает зарисовку. Он изображает то тростники и камни у воды, то утес на противоположном берегу, то ветлы в отдалении. Завершив набросок, он какое-то время им любуется, затем захлопывает альбом, вытряхивает пепел из трубки, закладывает новую порцию табаку, мурлычет припев разудалой застольной песни, кличет собаку, закуривает и продолжает путь. Внезапно он вновь открывает альбом: на сей раз его внимание привлекла группка людей. Что там у них такое? Точно не похороны — ведь никто не одет в черное.

Это не похороны, однако на грубых носилках лежит мертвое тело, покрытое старым парусом, и несут его двое.

Это не похороны, ведь эти двое — простые рыбаки в повседневной одежде.

В сотне ярдов от него рыбаки кладут свою ношу на песок. Один становится в головах, другой — в ногах мертвеца.

Композиция теперь идеальная: художник отступает на два-три шага, выбирает точку обзора и быстрой рукой начинает новый эскиз. Он успевает закончить прежде, чем рыбаки трогаются в путь; ему слышны их голоса, но слов он не может разобрать. Ему любопытно, о чем они говорят. В итоге он подходит к ним.

— У вас тут покойник, не так ли, друзья мои? — спрашивает он.

— Так, час назад река вынесла.

— Утопленник?

— Утопленница. Молоденькая совсем, и уж такая кралечка.

— Все самоубийцы красивы, — резюмирует художник.

Некоторое время он молча курит, размышляя. Мертвое тело так четко очерчено под жесткими складками холщового паруса.

Художник молод, честолюбив, умен; жизнь для него — вечный золотой праздник: ни печали, ни смерти нет места в его судьбе.

Наконец он говорит, что хотел бы зарисовать утопленницу, если она, бедняжка, так хороша собой.

Рыбаки получают по несколько монет и готовы откинуть парус, который скрывает черты покой-

ной, но нет, художник сделает это сам. Он берет край грубой жесткой сырой холстины и приподнимает над лицом. Но чье это лицо?

Это лицо являлось ему, сияющее, в глупых мальчишеских снах; это лицо некогда озаряло дом дяди Вильгельма. Перед ним Гертруда — его кузина, его нареченная невеста!

Одним взглядом он вбирает весь ее облик (тогда как дыхание его замерло) — ее застывшие черты и мраморные руки, скрещенные на холодной груди. Безымянный палец левой руки отяжелен кольцом, которое некогда принадлежало его матери. Это золотая змейка, которую он, если бы даже ослеп, на ощупь отличил бы от тысячи других колец.

Однако он гений и метафизик; скорбь — истинная скорбь — не для таких, как он. Его первая мысль — о бегстве. Бежать! Куда угодно, лишь бы подальше от этого проклятого города, от берега этой мерзкой реки; бежать от раскаяния — куда угодно, лишь бы там можно было все забыть.

И вот между ним и городом Брауншвейгом пролегло несколько миль, но он, хоть убей, не помнит, как и когда сумел их преодолеть.

Лохматый пес, вывалив язык, падает к его ногам, и тут-то он осознает, что его силы иссякли, и садится передохнуть. И тогда-то картины, виденные им во время бегства, начинают разворачиваться перед ним (а в глазах у него рябит), пока не встает этюд: два рыбака и носилки, накрытые парусом. И глаза его саднит в сумерках от этого видения!

Долго, очень долго он сидит на обочине, глядя свою собаку, дымя своей трубкой, вроде бы просто

отдыхая, имея вид, характерный для всякого студента-путешественника, чья совесть ничем не отягощена. На самом деле в это время его воспаленный мозг прокручивает утреннюю сцену со скоростью сто раз в минуту. Но вот наконец он немного успокоился; он пытается подумать о себе — таком, каков он есть, безотносительно к самоубийству кузины.

А безотносительно к сему событию он ровно тот же, что вчера, ничуть не хуже. Его талант при нем; деньги, заработанные во Флоренции, позвякивают в кошельке; он сам себе господин и волен идти куда пожелает.

Пока он сидит на обочине, пытаясь отделить себя от утренней сцены: пытаясь изгнать из воображения мертвое тело под сырым холщовым парусом, — пытаясь решить, что же делать дальше, куда направиться, чтобы оказаться как можно дальше от Брауншвейга и раскаяния, — с грохотом и звоном на дороге появляется дилижанс. Художник помнит эту колымагу: она курсирует по маршруту Брауншвейг — Ахен.

Он свистит своей собаке, кричит фореитору, чтобы придержал лошадей, и запрыгивает внутрь.

За весь вечер он не произносит ни слова; он молчит и всю долгую ночь, хотя и не смыкает глаз, зато утром, когда просыпаются другие пассажиры, вступает в общий разговор. Он сообщает, что он художник, направляется в Кельн, а оттуда в Антверпен, чтобы копировать полотна Рубенса, а также великого Квентина Массейса, которые находятся в музее. После он вспоминал, что речь его была развязна, и смеялся он к месту и не к месту, так что в момент, когда он исторг особенно гром-

кий раскат хохота, один из пассажиров, старше и суровее, чем другие, открыл рядом с ним окно и велел ему высунуть голову. Его лицо обдало свежим ветром, в уши вторгся птичий щебет, перед глазами замелькали поля и пустилась в пляс лента дороги — это он еще помнил. Он помнил также, что в следующую секунду мешком рухнул на пол.

Лихорадка свалила его на шесть долгих недель. Все это время он прикован к постели в гостинице вольного города Ахена.

Он выздоравливает и, сопровождаемый собакой, пешком идет в Кельн. К этому времени он снова прежний. Снова синий дымок из его коротенькой пенковой трубки уплывает кольцами в утреннее небо; снова он мурлычет старинную студенческую застольную песню и снова останавливается там и тут, чтобы осмотреться и сделать набросок.

Он счастлив, и он забыл свою кухню — а значит, вперед, в Кельн.

Это происходит, когда он стоит перед величественным Кельнским собором^{*}; его пес рядом с ним. Уже поздно; колокола только что прозвонили, часы показывают одиннадцать. Луна струит свои лучи на это невероятное сооружение, и глаз художника, скользя по шпилям, витражам и прочему, вбирает совершенство его форм.

О своей кухне утопленнице он вовсе не думает; он забыл ее, он счастлив.

^{*} Занимает третье место в списке самых высоких церквей мира; с ним связано множество легенд, по одной из которых Герхард фон Риле, первый архитектор, заключил сделку с дьяволом, чтобы получить чертежи собора. — *Здесь и далее примеч. пер.*